

Когда Лу Юньчэнь очнулся, он лежал на площади секты Тяньхэн.

Вокруг уже немало людей, заранее расколовших талисманы перемещения, вернулись обратно и всю делились друг с другом пережитыми приключениями, наперебой создавая изрядный шум.

От этого гадёна у Лу Юньчэня раскалывалась голова. Воспоминания о тайной обители то прояснялись, то вновь затягивались дымкой: свирепые глаза пламенных летучих мышей и удаляющаяся спина Ци Фаньи мелькали перед глазами, точно кадры диафильма — то ли реальные, то ли призрачные, — без конца прокручиваясь в его голове и лишая всякой опоры.

Он с трудом пошевелил пальцами.

Они онемели.

Однако ощущения рукояти меча он уже не помнил.

В памяти всплывали лишь те изящные руки — один взгляд на них говорил, что их обладатель родился в знатной семье, и даже движение, с которым он поднимал меч, казалось исполненным элегантности.

Ради чего всё это?

Как он ни ломал голову, ответа найти не мог.

При таком происхождении, как у старшего сородича, разве мог тот испытывать недостаток в обычной духовной утвари? К чему было отнимать чужую?

Смотри-ка, не тот ли это типчик, которого с собой таскал старший сородич? Почему он не вышел вместе со старшим? — пушечное мясо номер один заметил Лу Юньчэня.

Наверное, старший вдоволь наигрался в издевательства, да и вышвырнул его, — подхватило пушечное мясо номер два.

А я-то гадал, почему старший не позволял нам втихаря проучить его! Оказывается, он решил заняться этим лично. Я ещё раньше чувствовал, что затея старшего взять его в команду выглядит подозрительно, — поделился соображениями пушечное мясо номер три.

Лу Юньчэнь почувствовал, что за ним кто-то наблюдает, и поднял взгляд.

А, это те трое, — Лу Юньчэню стало немного неловко.

С тех пор как его успехи в культивации три года стояли на мёртвой точке и старейшины привели его в пример как отрицательного персонажа, эта троица вечно норовила без всякой причины досадить ему: вдоволь насмеявшись, они неизменно удалялись с издевательскими улыбочками — донельзя раздражающие и инфантильные. К тому же из-за авторитета этих троих те немногие друзья, что у него были, постепенно отдалились от него.

Он вовсе не был образцом добродетели: тех, кто унижал его, он всё же затаивал в глубине души и ненавидел.

Однако никаких способов отомстить у него не имелось.

Оставалось лишь крошечное, ничего не значащее затаённое злопамятство.

Может ли ненависть столь ничтожного человека, как он, хоть как-то повлиять на таких любимцев небес?

Конечно, нет.

Порой Лу Юньчэню казалось, что это чудовищно несправедливо: эти трое такие мерзавцы, и при этом одарены исключительным талантом, благодаря которому они рано стали учениками внутренних покоев и получили куда больше привилегий.

Иногда он даже фантазировал, как в один прекрасный день внезапно становится невероятно сильным и укладывает их одним ударом кулака.

Но это были лишь фантазии, ничего общего с реальностью.

Возвращаясь в действительность, он оставался всё тем же до крайности заурядным и даже тугодумным Лу Юньчэнем.

Стоило оказаться в окружении тех, кого он ненавидел больше всего, и терпеть их пальцеуказующие насмешки, как к нему неизменно возвращалось чувство неловкости.

Лу Юньчэнь поднялся на ноги, желая поскорее убраться отсюда.

Однако дорогу ему преградило пушечное мясо номер один, чей нескрываемый, наглый взгляд почти доводил Лу Юньчэня до иступления.

С виду раны не такие уж серьёзные... неужели главарь всё-таки проявил мягкосердечие?

Я знать не знаю никакого главаря, оставьте меня в покое! — Лу Юньчэнь обошёл пушечное

мясо номер один, не желая продолжать этот разговор.

Но едва он сделал шаг, как кто-то заломил ему руку.

Это было пушечное мясо номер два.

Коли добром не просишь, получишь кнут! — слов у него вечно было меньше всего, однако уровень культивации среди троих оставался самым высоким.

По руке прокатилась волна боли. Лу Юньчэнь, только что переживший тяжёлую схватку, совсем выбился из сил и дважды споткнулся от слабости.

Главарь же говорил не перегибать палку, — неизвестно откуда появившись, пушечное мясо номер три шёпотом предостерегло второго.

Кто знает, может, все эти раны на нём — дело рук главаря? Чего нам с ним нянчиться? Мне этот парень давно глаза мозолил. Раз уж главарь сорвал маски, к чему нам теперь притворяться? — подстрекало пушечное мясо номер один.

Пушечное мясо номер три тоже засомневалось.

Я не знаю вашего главаря, умоляю, отпустите меня, пожалуйста!

Лу Юньчэню сейчас было хуже некуда: старые и новые раны слились воедино, отзываясь тупой болью, а в голове будто раскалывался очаг пожара, не позволяя мыслить. Ему оставалось лишь опустить голову и молить о пощаде, чтобы они позволили ему уйти.

Ха-ха, он и впрямь говорит, что не знает главаря! — пронзительный смех лишь усилил головную боль.

Неужели старший сородич и правда превратился в великого благодетеля, раз даже от такого тряпичного мешка избавиться не может? — они покатались со смеху, сбившись в кучу.

Дальнейших слов Лу Юньчэнь уже не слушал — его мозг словно завис.

Старший сородич... старший сородич, так вот что они имели в виду!

Всё стало ясно... что именно стало ясно, Лу Юньчэнь и сам не знал.

Просто на душе почему-то полегчало, глаза невыносимо зажгло, и слёзы хлынули из них неудержимым потоком.

Что с ним? Выглядит как-то нездорово, — испуганно произнесло пушечное мясо номер три.

Лу Юньчэнь стоял на коленях, опираясь руками о землю; через рваные одежды проступали шрамы, дорожки слёз на лице смешались с грязью, образовав грязные разводы, которые скрывали его миловидные черты лица и оставляли лишь пару покрасневших глаз, делая его похожим на обезумевшего безумца.

Не обращай внимания, пошли, — пушечное мясо номер два сочло это скучным и зашагало прочь, заодно увлекая за собой всё ещё продолжавших болтать первого и третьего.

Лу Юньчэнь не замечал ухода окружающих, продолжая безучастно уставившись в землю.

Он вспомнил вечно ледяное выражение лица старшего сородича,

его тёплые ладони, когда тот смазывал ему раны,

собственные объятия, до боли напоминавшие ласку капризного ребёнка,

и напоследок — его почти жестокую спину.

Вот оно что, оказывается, всё это было ложью.

Словно занимаясь самоистязанием, бесчисленные образы лавиной хлынули в сознание. Лу Юньчэнь мучительно согнулся пополам и уткнулся лицом в землю.

Он вспомнил своё раннее детство: из-за врождённой слабости здоровья и медленного роста над ним измывались крепкие сверстники из той же деревни. Не имея возможности дать сдачи, он возвращался домой и горько плакал у матери на плече. А мать лишь озаряла его мягкой, ласковой улыбкой, похлопывала по спине и укладывала спать со словами:

Хорошему малышу стоит лишь лечь поспать, когда случится что-то неприятное, и к утру всё пройдёт.

В детстве память была короткой, и Лу Юньчэнь быстро засыпал.

На следующий день обидчик, катаясь по крутым склонам гор, падал и ломал кости, после чего больше никогда не докучал ему.

Тогда он безоговорочно верил материнским словам: стоило столкнуться с неприятностями, как нужно было уснуть, и на следующий день всё обязательно налаживалось.

Но потом мама исчезла и больше не возвращалась.

Сколько бы раз он ни засыпал в надежде на следующее утро, мамы он больше не видел.

Тем не менее, он по-прежнему хотел верить матери — верить, что на самом деле она никуда не ушла и однажды в будущем внезапно появится вновь, потреплет его по голове и скажет: «А наш малыш-то уже совсем вырос!»

Сейчас ему так сильно хотелось покинуть это место, вернуться в свою комнату и хорошенько выспаться.

Стоит проснуться, и вчерашний день окажется ненастоящим.

Всё именно так.

Лу Юньчэнь резко вскочил на ноги, намереваясь бегом броситься назад в свою спальню.

Впрочем, спальней это назвать было трудно — лишь комната, которую делило множество учеников внешних покоев, где ему принадлежала лишь одна скромная циновка.

Старейшина, здесь кому-то стало плохо!

<http://bllate.org/book/22445/2358755>